

ТРАДИЦИОННЫЕ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ АДЫГОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Э. МАЛЬБАХОВА

3.3. Мизова

Статья посвящена традициям и инновациям в творчестве Э. Мальбахова, а также его месту в российском и этнокультурном пространстве.

This article is devoted to traditions and innovations in E. Malbakhov's fiction as well as his place in Russian and ethnocultural space.

Ключевые слова: роман, новаторство, этничность, билингвизм, глобализация.
Key words: novel, innovation, ethnicism, bilinguality, globalization.

Адыгская, в частности, кабардинская, проза давно стала объектом литературоведческого анализа. Первым критическим (комплиментарным по сути) замечанием по поводу произведения, написанного Султаном Казы-Гиреем – этническим адыгом, на русском языке можно считать отзыв А.С. Пушкина на «Долину Ажигутай». Систематическое изучение адыгских литератур, адыгской прозы началось много позже, в советский период, получив свое полноценное воплощение в послевоенные годы.

Количество исследований в интересующей нас области весьма велико, однако практически все они рассматривают развитие национальных литератур под определенным углом, в рамках различных концепций эволюционного плана, в том числе ускоренного развития, причем в последовательной системе донорно-акцепторных отношений с русской литературой. В сущности, все заметные труды литературоведов региона в той или иной мере касались вопросов ускоренного культурного развития, а работы некоторых исследователей включают базовые положения теории ускоренного развития (полностью справедливо) в качестве методологической основы. Национальная проза оценивалась по присутствию в произведениях элементов этнически окрашенных, иногда фольклорных, но функционирующих в конкретных текстах в качестве парадигмальных составляющих соцреалистического характера.

Иначе говоря, научная литературоведческая мысль в любом варианте воспринимала национальные литературные системы как компоненты более обширного литературного сообщества, что соответствует истине. С другой стороны, универсальность и обязательность подобного подхода привели к тому, что этницизм в своей самозначимости и эстетические концепты, генезис которых не зависел от доминирующего влияния большой советской, а позже – русской литературы, остались в стороне от внимания литературоведов и критиков. Сказанное относится и к фольклорным интрузиям, функционировавшим, с точки зрения литературоведения, в качестве элементов, включенных в орбиту внешне детерминированной архитектоники в каждом конкретном тексте.

Действительно, кабардинская, балкарская, осетинская – любые другие новописьменные литературы – оцениваются лишь как ответвления и несамостоятельные эволюционные линии некой агрегатированной системы, любые новации которых – результат экстраполяции эстетических моделей русской традиции на местную почву.

Взгляд этот ощущается настолько устоявшимся, что любые авторы, чья эстетическая самостоятельность признана мировым литературным сообществом, попросту «выпадают» из контекста продуцирующей их среды. Это заметно по оценкам творчества Ч. Айтматова, Ф. Искандера, Г. Газданова. Речь не идет о недооценке таких корифеев, как Р. Гамзатов, А. Кешоков, К. Кулиев, но при ближайшем рассмотрении выясняется, что литературоведческие трактовки их произведений сводятся к способности и реализовавшимся возможностям демонстрации национального содержания русскоязычному и мировому читателю, без каких-либо намеков на эстетическую креативность общечивилизационного характера. Даже в своих высших пиковых точках этническое художественное мышление, таким образом, оценивается весьма скромно, без признания перспектив пассионарного влияния на мировое литературное сообщество.

Между тем, это далеко не так. Новописьменные литературы давно перешагнули тот порог качественного развития, которым были отмечены эволюционные этапы несамостоятельного развития. Но если поэзия Северного Кавказа прошла этот рубеж еще в 1960-х гг., то проза региона вплотную подошла к нему, по нашему мнению, лишь в последние два десятилетия ушедшего века. Это время оказалось весьма богатым на события. Изменения внешнего по отношению к этносам Северного Кавказа мира носят весьма опасный характер. Возникающие разрывы между поколениями зачастую фатальны, чреваты хаосом в духовной, социальной, экономической сферах. Многие составляющие этого процесса имеют объективный характер. Попытки изоляции, консервации существующих сейчас самостоятельных этнических сообществ обречены на провал.

В этом смысле глобализация видится не столько новационным обобщением прогнозного качества, сколько констатацией факта, чреватого унификацией и нивелировкой систем морально-этического, духовного плана. Ясно, что свою аутентичность сохраняют народы, чья ментальность, духовность, интеллектуально-информационный багаж, специфика социальных институтов и способы жизнеобеспечения окажутся наиболее адаптированными к новым реалиям, новому окружению. Пропаганда этничности в ее развитых формах, выявление национально-маркированных структур этико-эстетического характера, реализованных на уровне высшего цивилизационного ценза, уточнение путей дальнейшего развития коллективного этнического мышления – вот одно из немногих средств, которым могут воспользоваться малочисленные этносы региона в предстоящей борьбе за сохранение своей специфичности, лица, духовности.

Исследование творчества Э. Мальбахова актуально именно ввиду вышеперечисленных соображений. Бикультурный характер мышления писателя во многом способствовал тому, что в архитектурном, концептуальном, общенарративном планах его творчество было изначально лишено налета провинциализма (если не по всем, то по многим показателям). Ситуация билингвизма априори задает определенный тип эстетического сознания: «Когда национальное мышление, в котором "отпечатался" свой родной язык, его ритм, структура, интонация, выражается в творчестве посредством русского языка, не происходит ли в этот момент взаимное обогащение языков – своего родного языка, языка рождения, детства, названия окружающего мира, и языка русского, который писатель избрал языком своего творчества?» [2, с. 111]. Вопреки распространенному мнению Э. Мальбахов не изучал кабардинский язык, чтобы к пятидесяти годам изъясняться на нем. Наоборот, кабардинский язык являлся его первым, постепенно забываемым на протяжении долгих лет, проведенных в среде преимущественного общения на русском.

Мальбахов сумел воплотить в своих произведениях – пусть не буквально, но хотя бы коллажно – то направление эволюции художественного мышления адыгов, которое можно считать в значительной мере адаптированным к современной информационной среде, сохранив при этом ее ясное этническое качество. В определенном плане Э. Мальбахов – автор, который, наряду с Т. Адыговым, впервые среди кабардинских прозаиков сделал попытку презентации этнического бытия адыгов с помощью современного выразительного и идеологического инструментария, что особенно важно – инструментария в идеологической части аутентичного, заслуга в создании которого принадлежит именно ему. Мальбахов как явление представляет собой результат действия целого комплекса факторов, определяемых как идеологические и эстетические доктрины СССР, лежащие в традициях национально-периферийной литературы, и все это наложило отпечаток на его произведения. Однако неизбежный багаж предыдущего опыта национальной прозы никоим образом не умаляет его тенденциального значения.

Следует сказать несколько слов об этно-историческом романе, основные параметральные черты которого в рельефном законченном виде сформированы в произведениях Э. Мальбахова. Существует ли необходимость выделять его как особую типологическую разновидность, или можно ограничиться классификацией, весьма

доказательно выстроенной предыдущими исследователями? Вопрос, несомненно, требует дополнительной проработки, однако думается, что и «Страшен путь на Ош-хамахо» и «Ищи, где не прятал» несколько отличаются от произведений, например, Т. Адыгова, в своих жанровых составляющих находящихся в непосредственной близости от образцов Мальбахова.

В отличие от своих предшественников, обращавших внимание на представление читателю информации этнографического характера в качестве среды развивающегося сюжета либо в виде своеобразных антуражных деталей, играющих роль национальных хронотопических маркеров в этнически необозначенном повествовании, Эльберд Мальбахов использует этническую презентацию в составе жестких идеологем, непосредственно задействованных в конфликте и определяющих идейное содержание текста.

Функциональная суть этнической презентации у него – уточнение фундаментальных, базовых составляющих адыгского мирозерцания и его перспектив в конкретной исторической ситуации. Развитие этой ситуации зависит от политических и идеологических устремлений народа, а они, в свою очередь, напрямую связаны с базовыми морально-этическими комплексами. Далее Мальбахов формирует систему тотальной взаимной детерминированности нарративных компонентов, в которой перспективные и позитивные в его трактовке политические эволюции определяют идеологию, характеры, мотивационные стандарты, внешние характеристики героев и даже ландшафтные особенности. Базой этой конструкции писатель декларирует комплексы традиционных этнических ценностей, ставя статуирование своих персонажей в прямую зависимость от нее по признаку принадлежности / непринадлежности, однако де факто направление детерминации в паре «идеология – этничность» в произведениях Мальбахова остается под вопросом.

Иначе говоря, мы считаем возможным выделение этно-исторического романа как особой типологической разновидности в силу специфического тяготения его текста к выполнению задач идеологического целеполагания автора, в силу видимой монолитности идеологической тенденции и этнических презентаций – иногда даже в некоторых отступлениях от исторических фактов или их домысливании. Основная задача этно-исторического романа в этом смысле – этнический инжиниринг и рекреация.

Успешная реализация замысла такого масштаба требует от автора особенного инструментального оснащения. В этом плане Мальбахов как никто другой соответствовал целям подобного рода. Двуязычие автора автоматически заложило в сознании Мальбахова определенные черты, прежде всего, амбивалентность восприятия явлений и феноменов, способность к их разнонаправленному осмыслению: «... писать и, следовательно, думать на русском языке для меня все равно, что снимать широкоформатно. Опыт другого языка с большим "литературным стажем" и стоящей за ним культуры постоянно присутствует и помогает мне исподволь, самопроизвольно, как бы невидимо раздвигать рамки видения» [1, с. 10]. Огромный эрудиционный багаж, фактическое двуязычие и бикультурность, доступ к информации, закрытой для большинства, и несомненный талант – вот составляющие Мальбахова-литератора.

Сложность и структурная многоярусность его художественного мышления проявились даже в ранних произведениях. Уже «Мемуары старой собаки», невзирая на нарочито облегченную сказовую форму повествования, являют собой текст, отмеченный наличием нескольких уровней наррации, взаимное переплетение которых обеспечило суггестивную гибкость изложения, а в перспективе заложило основы будущего стиля Мальбахова-прозаика, стиля, характеризующегося полифоничностью, хронотопической сложностью, многочисленными культурными и эстетическими интрузиями при великолепном языковом оформлении.

Список литературы

1. Айтматов Ч. Т. Орбиты взаимодействия / Ч. Т. Айтматов // Литературное обозрение. – 1973. – № 9. – С. 5–16.
2. Борев Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Борев. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1988. – 490 с.